

М.И. Брагинский. В.В. Витрянский

ДОГОВОРНОЕ ПРАВО

Общие положения

**Москва
1998 год**

содержание мог понять адресат, относясь к ней, со своей стороны, с должным вниманием. Это имеет место, в особенности, в том случае, когда неверное содержание воли, принятое адресатом за правильное, может быть вменено в вину автору изъявления воли»¹.

Более того, В.М. Хвостов считал, что «лицо, сознательно умолчавшее в целях обмана о том, что оно не имеет в виду действительно заключить сделку, о которой идет речь, должно исполнить сделку, если адресат не мог догадаться о несерьезности сделанного ему изъявления воли»².

В арбитражно-судебной практике возникли и более общие вопросы, связанные с оценкой действий руководителей и других органов и должностных лиц, выступающих от имени юридических лиц. Начнем с того, что далеко не во всех случаях указанные действия рассматриваются в качестве действий представителя юридического лица. Так, при рассмотрении одного из дел Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации констатировал, что заместитель руководителя юридического лица, не располагавший полномочиями, основанными на уставе либо доверенности, тем не менее действовал, подписывая договор займа, как орган юридического лица, наделенный соответствующими полномочиями³.

Представляется, однако, что, оценивая действия руководителя юридического лица или иного должностного лица по заключению сделок, мы не можем выходить за рамки правоотношений, регулируемых нормами о представительстве и доверенности. Руководитель юридического лица является его законным представителем, т.е. он вправе совершать сделки от имени юридического лица без доверенности. Что же касается иных должностных лиц, то совершать сделки от имени юридического лица они вправе не в качестве органа юридического лица, а лишь как его представители, располагающие соответствующими полномочиями, основанными на доверенности или учредительных документах этого юридического лица. Если же такие лица совершают сделки при отсутствии указанных полномочий либо при их превышении, то в соответствии со ст. 183 ГК соответствующая сделка может создавать, изменять и прекращать гражданские права и обязанности для представляемого (юридического лица) лишь при условии его последующего одобрения сделки.

Кстати сказать, практически во всех случаях, когда совершенные сделки признавались недействительными, в том числе и в связи с тем, что руководители и другие представители юридических лиц действовали с превышением полномочий, речь шла о сделках, обязательства по которым были исполнены одной из сторон, не представившей, однако, доказательства прямого письменного одобрения контрагентом совершенной сделки.

Возникает вопрос: насколько правомерно применять положения о недействительности сделок к фактически исполненным договорам, когда обращающаяся в арбитражный суд сторона является исключительно должником? Следует ли в подобных ситуациях требовать от добросовестного контрагента представления еще каких-либо

¹ Хвостов В.М. Система римского права: Учебник. М., 1996. С. 152 (по четвертому изданию 1908 г.).

² Там же. С. 153.

³ См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1996. № 8. С. 9.

доказательств, подтверждающих письменное одобрение должником совершенной сделки?

Думается, что таким доказательством одобрения сделки (вполне достаточным) может служить принятие контрагентом исполнения обязательства, предложенного добросовестной стороной. К примеру, Г.Ф. Шершеневич допускал такую возможность. Он считал, что «последующее согласие может быть явно выражено или может также быть выведено из действий, т.е. то лицо, в интересе которого была совершена сделка, может или прямо одобрить действия лица, взявшего на себя роль представителя, и принять их на свой счет, или присвоить себе результаты, вытекающие из действий этого лица... Было бы в высшей степени несправедливо подвергать третьих лиц опасности опровержения сделки со стороны представляемого под тем предлогом, что она выходит за пределы полномочия, когда сделка оказалась для него невыгодной»¹.

Необходимо также отметить, что проблема ущемления интересов, добросовестной стороны в результате возможного признания недействительным исполненного ею договора находилась в центре внимания российских дореволюционных юристов при подготовке проекта Гражданского Уложения. Во всяком случае, проект книги V Гражданского Уложения «Обязательственное право», внесенный 14 октября 1913 г. в Государственную думу, включал в себя следующее положение: «Возражение о недействительности договора может быть предъявляемо до тех пор, пока существует право требовать исполнения основанных на договоре обязательств (часть третья ст. 32)»².

И наконец, последнее замечание относительно практики арбитражных судов, связанной с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации об основаниях и последствиях недействительности сделок. Допуская, с одной стороны, чрезмерно широкое применение указанных положений в отношении договоров, исполненных одним из контрагентов, с другой стороны, арбитражно-судебная практика не использует все реальные возможности применения норм о недействительных сделках в ситуациях, когда незаконность совершенных сделок представляется очевидной. Прежде всего, речь идет о трактовке понятия «сделка, не соответствующая требованиям закона или иных правовых актов». В качестве таковой, как правило, признается лишь сделка, которая не соответствует прямым предписаниям законодательства.

Если же такие прямые предписания отсутствуют, а тем не менее противоправность сделки не вызывает сомнений, в лучшем случае предпринимаются попытки косвенным образом «подвести» эту сделку под конкретную правовую норму, что далеко не во всех случаях является бесспорным.

По поводу таких сделок (совершенных в обход закона) В.М. Хвостов писал: «Желая достичь цели, противной закону, стороны заключают сделку, не подходящую по букве под текст закона, но ведущую к достижению того практического результата,

¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). С. 132.

² См.: Герценберг В.Э., Петерский И.С. Обязательственное право: Гражданское Уложение. Книга V. СПб., 1914. С. 6.

с которым борется закон... Такие сделки ничтожны, ибо нормы права должны применяться не по букве своей, а согласно с их целью»¹.

Что же мешает в настоящее время квалифицировать сделку, совершенную в обход закона, как сделку, не соответствующую требованиям закона? Видимо, решающим является то обстоятельство, что действующий Гражданский кодекс не включает в себя соответствующее понятие. В то же время юристы помнят, что ст. 30 Гражданского кодекса 1922 г. особо выделяла такие виды противозаконных сделок, как: сделки, противные закону; сделки, совершенные в обход закона, т.е. облеченные внешней видимостью законности при фактически противозаконном их содержании; а также сделки, направленные к явному ущербу для государства.

Однако не следует забывать, что понятие «сделка, совершенная в обход закона» отсутствовало уже в тексте Гражданского кодекса 1964 г. И между прочим, обращая внимание на данное обстоятельство, О.С. Иоффе считал необходимым заметить, что отсюда не следует, что классификация противозаконных сделок, имевшаяся в ГК 1922 г., «утратила теоретическое значение и лишена какого бы то ни было практического смысла. Напротив, проводимое в теории различие между сделками этих видов позволит и на практике не забывать о том, что противозаконны не только сделки, с очевидностью нарушающие закон, но и такие, незаконность которых тщательно замаскирована или заключается в явной ущербности для интересов государства и общества»².

6. Защита прав участников имущественного оборота в публично-правовых отношениях

В последние годы актуальное значение для практики приобрели вопросы, связанные с защитой прав предпринимателей и организаций от незаконных действий налоговых, таможенных органов, органов Пенсионного фонда, ценообразования, Федерального казначейства и других государственных органов, обладающих административными полномочиями. Еще пять лет назад такие проблемы не попадали в сферу внимания государственных арбитражей, поскольку споры с участием указанных государственных органов были исключены из числа споров, подведомственных государственным арбитражам.

Однако введение в действие нового законодательства о собственности заставило государственные арбитражи отказаться от позиции стороннего наблюдателя, так как деятельность названных государственных органов по применению к участникам имущественного оборота экономической (финансовой) ответственности, т.е. взысканию с них в бесспорном порядке недоимок по налогам и иным обязательным платежам, а также различных финансовых санкций с обращением взыскания на их имущество, не могла не затрагивать субъективные гражданские права этих лиц. Продолжение политики невмешательства в данные административно-правовые отношения со ссылкой на неподведомственность соответствующих споров означало бы отказ от выполнения основных задач государственных арбитражей (а затем и арбитражных

¹ Хвостов В.М. Указ. соч. С. 154.

² См.: Иоффе О.С., Толстой Ю.К. Новый Гражданский кодекс РСФСР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. С. 61.

судов) по обеспечению защиты прав и законных интересов организаций и предпринимателей.

Поэтому сначала в практике государственных арбитражей, а затем и в арбитражно-процессуальном законодательстве, регулирующем деятельность арбитражных судов, появились новые категории споров с участием налоговых и иных административных (контролирующих) государственных органов.

В настоящее время в соответствии со ст. 22 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) к числу дел, подведомственных арбитражным судам, относятся: споры о признании недействительными (полностью или частично) ненормативных актов государственных органов (включая контролирующие органы), не соответствующих законам и иным правовым актам и нарушающих права и законные интересы организаций и граждан; о признании не подлежащим исполнению исполнительного или иного документа, по которому взыскание производится в бесспорном порядке; о возврате из бюджета денежных средств, списанных органами, осуществляющими контрольные функции, в бесспорном порядке с нарушением требований закона или иного нормативного правового акта.

Таким образом, предприниматели или организации, чьи права нарушены незаконными действиями налоговых и иных административных органов, могут использовать следующие способы защиты нарушенных прав: признание акта соответствующего органа о применении финансовой ответственности недействительным; возврат из бюджета списанных сумм; признание не подлежащим исполнению инкассового поручения соответствующего государственного органа, по которому взыскание должно быть произведено банком в бесспорном порядке, что может по сути рассматриваться в качестве такого способа защиты, как пресечение нарушения гражданского права; и наконец, возмещение убытков, включая упущенную выгоду, причиненных незаконными действиями налоговых и иных государственных органов.

Арбитражные суды рассматривают тысячи дел с участием налоговых и других контролирующих органов. Интересно отметить, что, согласно статистическим данным, в большинстве случаев иски налогоплательщиков, например, удовлетворяются полностью либо частично.

При рассмотрении таких дел арбитражным судам зачастую приходится сталкиваться с проблемами, возникающими на стыке частно-правовых и публично-правовых отношений. С особыми, а часто непреодолимыми трудностями, встречается арбитражно-судебная практика в ситуациях, когда имеются противоречия между публично-правовыми нормами, которыми руководствуются в своей деятельности государственные органы, и гражданско-правовыми нормами, регламентирующими деятельность участников имущественного оборота. Более того, анализ законодательства и арбитражно-судебной практики свидетельствует о реальной опасности разрушения довольно высокой степени защиты прав участников имущественного оборота, обеспечиваемой гражданским правом, отраслями законодательства, относящимися к публичному праву, и прежде всего налоговым законодательством. Некоторые нормы налогового законодательства способны свести к нулю права организаций и предпринимателей, предоставленные им гражданским правом.

Так, одним из основных положений гражданского права является принцип свободы договора. Одно из необходимых условий действия названного принципа в иму-